

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИМИНАЛЬНОГО И ПСЕВДОЛИМИНАЛЬНОГО В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИИДЕНТИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Фусу Лариса Ивановна

К.м.н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
florayy@mail.ru

PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION OF THE LIMINAL AND PSEUDO-LIMINAL IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE POLYIDENTICAL SPACE OF RUSSIAN SOCIETY

L. Fusu

Summary. The article presents a philosophical analysis of the conceptual field of liminality as a factor in the formation of the identity of subjects (individuals, social groups). The methodological basis was the phenomenological theory. Conceptualization of the liminality in this article is based on the relationship «Me and Other». The «other» appears in various hypostases (Other, Alien). Based on the dominance of this mode, the identity of the subject is formed. Liminality serves as a buffer. The prolonged period of identification leads to the destruction of identity. The author of the article analyzes the theoretical matrix with reference to modern Russian society. Several spaces are analyzed: political, economic, sociocultural, civil, professional and gender. The process of identity formation of subjects in each of these spaces is considered. A conclusion is made about the dominance of pseudoliminal over the liminal. A conclusion is drawn on the prolonged character of the liminal period in different spaces of identity formation of subjects.

Keywords: liminal, pseudoliminal, identity, identification, social space, phenomenology.

Аннотация. В статье представлен философский анализ понятийного поля лиминального как фактора формирования идентичности субъектов (индивидов, социальных групп). Методологической основой выступила феноменологическая теория. Концептуализация лиминального в данной статье происходит на основании отношения «Я-Другой», где «Другой» предстает в различных ипостасях (Другой, Иной, Чужой). На основе доминирования определенного модуса формируется идентичность субъекта. Лиминальное выполняет функцию буфера: затянувшийся период идентификации, его неопределенность приводят к разрушению идентичности. Автор статьи анализирует теоретическую матрицу применительно к современному российскому обществу. Сделаны «срезы» нескольких пространств — политического, экономического, социокультурного, гражданского, профессионального и гендерного. Рассмотрен процесс формирования идентичности субъектов в каждом из пространств. Сделан вывод о доминировании псевдолиминального над лиминальным, а также о пролонгированном характере лиминального периода в различных пространствах формирования идентичности субъектов.

Ключевые слова: лиминальное, псевдолиминальное, идентичность, идентификация, социальное пространство, феноменология.

Феноменологическое осмысление проблемы социального бытия происходит через соотношение концептов «Я» и «Другой» (далее в тексте — без кавычек). Интерпретация *Другого* в различных контекстах позволяет выйти на понимание острых экзистенциальных вопросов. Рост негативных, деструктивных социальных явлений (суицидальность, агрессия, конфликтность, ксенофобия, социальная отчужденность) напрямую обусловлены восприятием *Другого* и апелляцией к опыту формирования идентичности. В своих более ранних работах мы уже обращались к интерпретации лиминального как фактора формирования идентичности [15]. В рамках феноменологии понятийное поле, обозначенное в данной статье, заключено в рамках понятий *идентичность, идентификация, лиминальное, псевдолиминальное*. Обратимся к их концептуализации.

Происходящие в современном социуме процессы множественной идентичности индивида и социальных групп формируют полиидентичное пространство, внутри которого можно выделить различные «срезы» или *поля идентичности*. Не углубляясь в анализ структуры данного пространства, выделим лишь наиболее очевидные из них: экономическое, политическое, социокультурное, гражданское, гендерное, профессиональное. В каждом из них выстраивается иерархия идентичностей, из которых личность и социальная группа имеют теоретическую возможность *выбора*. Выбор обусловлен двумя противоположными тенденциями: стремлением к идентификации и стремлением к разграничению, дистанцированию, сепарации (отделению). Соотношение этих двух тенденций и формирует содержание идентичности. В работе «Психология масс и анализ человеческого Я» Фрейд пишет о том, что в психоанализе

«идентификация считается самым ранним проявлением аффективной связи с другим человеком». Автор подчеркивает, что идентификация — это не просто имитация, а отождествление на почве сходных условий, стремление «быть как», то есть стремление к подобию «и идентификация относится к тому общему, что неизменно остается в бессознательном». В описании тотемического пиршества в работе «Тотем и табу» Фрейд указывает на идентификацию с мертвым отцом, которого невозможно оплакать. Речь идет о сложностях, связанных с потерей объекта, приводящих к идентификации Я с утраченным объектом.

Исследуя регресс от идентификации к выбору объекта, затем ситуацию, в которой идентификация создает общее разделенное чувство Фрейд предлагает три вывода. Первый из них упомянут выше — идентификация указывает на самую раннюю связь с объектом; второй — идентификация в результате регресса может стать заменой аффективной связи с объектом, в таком случае идентификация ведет к желанию сблизиться с объектом, слиться с ним, теряя личные границы; третий — идентификация может вновь появиться когда кто-то обнаруживает, что обладает чертами, схожими с другим человеком. Так обычно подготавливается новая связь. Чрезмерная любовь к матери, как указывает М. Кляйн мешает «поддерживать идентификацию с реальными объектами и приводит к известным тяжелым последствиям (депрессия, мания, паранойя).

Важную роль в идентификациях играют идеалы Я. Как указывает Н. Бужор «Я-идеал» появляется на основе идентификации с героями. Обычно в таких случаях идентифицируются с престижными и необычными качествами. Для Фрейда «Идеал-Я» является инстанцией, появляющейся в результате наложения двух составляющих: идеализации Я и идентификации с родителями и коллективными идеалами. В результате «Идеал-Я» становится образцом, к которому стремится субъект. Однако, как указывает Н. Бужор, идентификация не является лишь пассивным процессом, а создается так же и из сопротивления связи с объектами, из амбивалентности отношений с ними.

В современном обществе идентичность человека множественна.

Каждая из них накладывается на другую и фактически образует многослойную структуру идентичности, где существует определенная иерархичность каждой по отношению к другим. Место в иерархии есть следствие восприятия *Другого* как наиболее значимого или наиболее чуждого для Я.

Аспект формирования идентичности через осмысление проблемы *Другого* впервые становится очевидным

в работах Х. Ортега-и-Гассета, задавшегося вопросом о рефлексии места Я в пространстве социума. Автор обозначает эту точку местом пересечения миров *Других* [10, с. 530]. Открытие *Другого* есть факт признания самого себя, то есть, открытие себя, идентификация. *Другой* может быть обнаружен и воспринят только при условии полной сепарации от него [В. Капсамбелис, 2017]. Об этом мы читаем и у Г. Марсея [8] и Ж.-П. Сартра: «Для постулирования себя в мире Я нуждается в том, чтобы быть познанным Другим» [11, с. 246]. Таким образом, только в процессе идентификации себя с *Другим* человек приобретает всю полноту своего бытия, и данный процесс исключительно диалогичен (М. Бубер): «Человек может обрести цельность не в отношении к своему Я, но в отношении к другому Я» [5, с. 94]. С точки зрения М. Мерло-Понти, именно восприятие и постижение *Другого* дает возможность познать свое *Эго/Я* [9, с. 142]. Рождение и становление психической жизни происходит под взглядом *Другого* — именно это имел в виду Д. Винникотт, описывающий отражающую роль материнского взгляда-зеркала для младенца. Андре Грин прямо написал об этом: «Психизм младенца может родиться только из психизма *Другого*, из психизма матери». Однако путь от идентификации к идентичности долог. Для описания первого объекта, который еще не выделяется как «не-Я», Винникотт использует термин «субъективный объект». Идею субъективного объекта олицетворяет материнская грудь — первый символ матери, которым оперирует человеческое существо на пути своего психо-социального становления, именно от нее прокладывается путь к объективному субъекту — самости, идентичности. В известной книге «Игра и реальность» (1971 г) автор описывает «первичную идентификацию» и указывает на жизненно важный аспект первичного опыта для инициации всех последующих переживаний, связанных с идентичностью. Вслед за стадией «субъективного объекта», по мере эмоционального развития индивида он достигает этапа, когда может быть назван целостным и отдельным от других, это этап, названный Винникоттом стадией «Я существую» (1958 г). Согласно автору, индивидууму следует обрести существование прежде, чем он начнет делания, «Я существую» должно предшествовать «Я делаю», в противном случае делание будет бессмысленным для самого ребенка. Стадия Винникотта «Я существую» тесно связана с концепцией депрессивной позиции М. Кляйн (1934 г). «На этой стадии ребенок может сказать: «Вот Я. Внутри меня — Я, снаружи от меня — не Я»

Если в западноевропейской феноменологической традиции Я доминирует над *Другим*, поскольку постигает себя через *Другого*, то в русской философской мысли мы такого не наблюдаем. Сущностным пониманием здесь выступает идея всеединства, наиболее ярко развитая у В. С. Соловьева. Постигание своего Я в интерпретации

философа происходит только посредством единения с Абсолютом: «*«Этот» может быть «всеми» только вместе с другими...*» [12, с. 154]. Этическая составляющая процесса идентификации через слияние *Я* и *Другого* звучит и у С.Н. Трубецкого: «*Сознание человеческого индивида неизбежно фрагментарно... чтобы подняться мыслью над обманчивыми переживаниями моей индивидуальной психики, надо вступить в диалог с другими*» [13, с. 149].

В обозначенных контекстах можно увидеть интерпретацию процесса формирования личностной идентичности через *сходство с Другим*. Есть и иной аспект: идентичность через различие. Ж. Деррида фиксирует это как характерную черту современного общества, человека: *differance* [6, с. 196], или постоянный поиск *Другого*. В отрицательной трактовке понятие *Другой* трансформируется в *Чужого*, происходит противопоставление *Я-Другой*, и желаемый эффект здесь — не быть таким, как *он*, то есть, идентичность формируется исходя из понимания чуждости *Другого*. Тогда вместо идентификации происходит то, что психоаналитики называют контр-идентификацией, вместо того, что «быть как Другой» — сознательное, но чаще бессознательное стремление «не быть как Другой». В неприятии Иного, Другого кроются все причины ксенофобии, расовых, половых раздоров и войн. В социальном смысле можно констатировать, что трансляция в сознание образа *Чужого* позволяет дифференцировать социум на лагеря «мы-они», то есть, сформировать социальную (групповую) идентичность на принципе различия.

Иерархизация множества *Других* в сознании *Я* при событийной встрече с ними задает вектор формирования идентичности. Происходит это при наличии внутренних предпосылок или *предубеждений* (модусов). По сути, положительный модус — *Я-Другой* — путь к идентичности; отрицательный модус *Я-Другой* (*Иной, Чужой*) — означает лиминальное, пограничное состояние и не может характеризовать целостность идентичности. Оба этих модуса раскрываются в *со-бытии*. Идентичность, таким образом, есть следствие борьбы между выбором *Других* как эталонов для себя самого. В *со-бытии* с ними человек выбирает свою инаковость, свою ответственность. Об этом находим у Э. Фромма: «*По мере того, как ребёнок обособляется от этого мира, он начинает осознавать своё одиночество, свою отделимость от других*» [14, с. 134].

Все обозначенное дает нам право сформулировать основной тезис: идентификация, выстроенная на принципе *утверждения Другого*, на диалогичности пространства *Я-Другой*, формирует целостность идентичности (индивида, группы). Идентификация, в основе которой лежит процесс отрицания и даже противопоставления

в пространстве *Я-Другой*, контр-идентификации, может формировать лишь лиминальную, фрагментарную идентичность. И здесь логично перейти к характеристике лиминального.

Если понимать лиминальное как некую временную континуальность, то уместна аналогия с «примериванием актерских масок», как об этом сказано у О.С. Аниимова. Исследователь приводит аналогию с подготовкой актеров к исполнению ролей, их закулисной игрой. В этот момент актер «модифицирует» свое бытие по требованию роли, происходит процесс идентификации с персонажем [1, с. 12]. Именно *иллюзорность* этой идентификации актера и придает ей статус фрагментарной, временной, поверхностной. Аналогичный процесс происходит в социуме: ощущение временности своего статуса, его иллюзорности как эффекта лиминального приводит к некоей *искусственности* идентичности субъекта (индивида, группы). В таком случае субъект воспринимает свой статус как требуемый, необходимый для чего-то более совершенного. А.И. Бобков, в этой связи, говорит о свойстве лиминального выводить из состояния приспособления в состояние осмысления [4, с. 75]. То есть, важен сам факт осознания субъектом не *естественности*, но *привнесенности* социальных структур извне. Лиминальное, следовательно, означает осознание *чуждости реальности*, осознание наличия в ней «чужака», что в восприятии *Я-Другой* демонстрирует отрицательный модус со-бытия. По словам А.И. Бобкова, «*лиминальность в первую очередь сосредоточена не на могуществе другого (чужака), а на собственных практиках принятия его даров и непонимании их смысла в момент этого принятия*» [4, с. 76].

Однако если такое состояние затягивается, формируется маргинальность сознания субъективного статуса. И здесь лиминальное выполняет функцию буфера между идентичностью и маргинальностью: затяжной эффект лиминальности неизбежно разрушает структуры идентичности и приводит к маргинальности. Но есть и еще одно понятие в исследуемом нами поле: *псевдолиминальное*. Оно потому и носит статус *псевдо*, что маскирует, укрывает истинность действий, статусов. Псевдолиминальное, выдавая *ложное за истинное*, затягивая, таким образом, переходность статусов, также продуцирует маргинальность и разрушает идентичность. К псевдолиминальным состояниям следует отнести идентификацию с утраченным объектом при меланхолии. Как известно, люди «которых мы подозреваем в патологической предрасположенности», как пишет Фрейд в одной из фундаментальнейших работ «Горе и меланхолия» не способны к полноценному оплакиванию умершего, поэтому вместо работы горя они едва справляются с работой меланхолии, заканчивающейся идентификацией с умершим, тем, что «тень утраченного объекта падает

на Я» деформируя, искажая его, разрушая его прежнюю идентичность. Переход из псевдолиминального состояния в нормальное возможно только через работу горя. А теперь обозначенную методологическую «матрицу» наложим на реалии российского социума.

Совокупность пространств, в которых субъекту приходится искать свою идентичность, обрисовывает и совокупность лиминальных статусов. Рассмотрим некоторые. Каждый из выделенных пространств в рассматриваемом аспекте предполагает краткую характеристику по следующим параметрам: «примеряемые» социальные роли; ритуализация; средства ритуализации.

Политическая идентичность формирует лиминальные статусы субъектов в политическом пространстве. К таким статусам можно отнести, например, регистрацию политической партии, движения; вступление в президентскую должность; предвыборную кампанию. В процессе регистрации политической партии (движения) примеряемые социальные роли (лидер партии, член партии, активист движения) имеют пока еще не закреплённый формально характер, то есть, являются неформальными. Сам процесс регистрации является своего рода ритуалом, проверкой на прочность. При этом отказ в регистрации нарушает социальные ожидания субъектов, формируя маргинальное сознание. Оппозиционность формируемой политической структуры по отношению к власти выступает своего рода критерием непрохождения такой проверки. Лояльность власти и режиму, чаще всего, гарантирует успешность данной процедуры. В таком случае, лиминальное и псевдолиминальное ставятся в прямую зависимость от критерия оппозиционности: чем выше оппозиционность, тем больше эффект псевдолиминального. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении предвыборной кампании. «Игра» в демократию формирует псевдолиминальное состояние субъектов, участвующих в кампании, но также и остальных членов гражданского общества, выступающих в роли избирателей. Происходит примеривание роли избирателей, но сами избиратели при этом осознают, что это — лишь игра.

Экономическое пространство формирует экономическую идентичность субъектов, заставляя признавать себя принадлежащим к определенным группам экономических игроков: производитель-потребитель, продавец-покупатель. Но наиболее интересен здесь аспект принадлежности к определенной экономической группе в системе стратификации. Лиминальность статусов и здесь обладает противоречивостью. Например, статус начинающего предпринимателя предполагает наличие ряда ритуальных действий как своего рода испытаний: формальное оформление бизнеса, выстраивание связей с чиновниками, позиционирование по отношению к кон-

курентам, внедрение определенной кадровой политики в организации, предприятии. Успешное прохождение лиминальной стадии приводит к утверждению субъекта в статусе предпринимателя. При этом он принимает правила игры, предложенные более опытными игроками (конкурентами, чиновниками), то есть, лиминальность его статуса ставится в прямую зависимость от его способности и желания следовать принятым правилам. Но и в этом случае постоянство статуса не гарантировано: «рейдерские» захваты успешных бизнес-компаний как негативная латентная тенденция в российском социуме создает эффект псевдолиминальности статуса предпринимателя. Схожую картину можем наблюдать и по отношению к другим субъектам экономического поля, — например, по отношению к рядовому работнику по найму. Низкие зарплаты и непрерывная инфляция создают впечатление *временности* ситуации, которой сопутствует ожидание *иной* реальности. Сегодня средняя российская семья живет постоянным ожиданием улучшения своего статуса и одновременным осознанием тщетности такого ожидания: типичное лиминальное состояние, переходящее в псевдолиминальное. Социально желаемая роль человека «среднего класса», транслируемая СМИ как идеала общества потребления, сохраняет свою значимость и недостижимость для большинства российских обывателей. Псевдолиминальное маскируется под лиминальное, средством ритуализации при этом выступают СМИ.

Пространство профессиональных полей формирует профессиональную идентичность субъектов. Трансляция в общественное сознание идеи непрерывности профессионального образования создает эффект «незавершенной» профессиональности субъекта. Профессиональная идентичность остается при этом фрагментарной, неосмысленной. Сложности профессионального трудоустройства, устройство не по профессии усиливают этот эффект в социальном масштабе. Приобретение одной профессии, а работа — по другой формируют псевдолиминальное сознание, подсознательное ожидание и постоянный поиск *иного* пути развития. Псевдолиминальность незавершенного статуса транслируется при помощи идеологии непрерывного образования, маскируя маргинализацию профессий, а СМИ усиливают этот эффект, формируя образ «успешного потребителя».

Пространство *гражданственности* позволяет вести речь о формировании идентичности *гражданина*, обладающего совокупностью гражданских прав. Примеряемые роли фокусируются вокруг основной ценности — «гражданские права». Лиминальность статуса обусловлена *возможностью* приобретения этой ценности. Однако сама *данность* ее все более отодвигается. Российский обыватель как субъект пространства гражданственности живет в иллюзии *становления данности*,

пребывая в лиминальном (псевдолиминальном) статусе, от чего сознание его все более фрагментируется по отношению к гражданской идентичности.

Социокультурное пространство в современном российском социуме формируется на пересечении идентичности космополита, патриота и этноцентриста. Космополита — поскольку век глобализации диктует необходимость обращения к ценностям глобализма; патриота — так как усиливаются тенденции *признавать* патриотизм в качестве национальной идеологии; этноцентриста — поскольку регион выступает сегодня главным звеном в развитии хозяйствующих практик. В каждой из плоскостей есть и свой процесс ритуализации. К примеру, в плоскости патриота таким ритуалом выступают множество мероприятий, проводимых на государственном уровне в последние годы. Все это многообразие идентичностей не может не сказываться на осознании лиминального статуса субъектов; но эта лиминальность маскирует псевдолиминальность в процессе неразрешимости идеологических противоречий в современном социокультурном пространстве.

Пространство гендерных ролей предполагает обращенность к трансформации ролей маскулинности и фемининности. Исследователи Н. С. Клименко и А. В. Зберовский дают, на наш взгляд, вполне удачное определение настоящей российской гендерной культуре — «феминизированный патриархат», что означает доминирование маскулинного начала в общественной жизни, а фемининного — в ментальной основе российской культуры [7, с. 49–53]. Подобный «сплав» формиру-

ет размытость идентичности, что проявляется через смешение роли мужчины и женщины в обществе и семье.

Таким образом, формирование идентичности субъектов в современном российском социуме базируется на пересечении спектра идентификационных полей. В каждом из таких полей присутствуют лиминальные статусы. Выбор значимого *Другого* происходит при со-бытийной встрече с ним, но эта встреча может иметь отрицательный модус. Вопрос состоит в том, управляем ли данный процесс извне и насколько он подконтролен самому субъекту? Этим же вопросом задается О. С. Анисимов в серии своих публикаций [1, 2, 3]. В действительности же, формирование образов *Чужого* и *Иного* в ипостаси *врага* способствует социальному разобщению и ломает идентичность субъектов. Псевдолиминальное доминирует над лиминальным, а сам лиминальный статус имеет неопределенно пролонгированный характер, в результате чего идентичность субъектов российского социума разрушается, развиваясь в сторону маргинальности. Формирование политической идентичности обусловлено образом *Чужого* в ипостаси оппозиционера, экономической идентичности — *Иного* в образе инноватора, социокультурной идентичности — *Иного* в образе не-патриота, профессиональной идентичности — *Иного* в образе имеющего непривлекательную и «не доходную» профессию. В то время как оформленная идентичность «повышает субъективный потенциал общества, потенциал его эффективности, совершенствования, перспективности» [1, с. 15–16], идентичность (псевдо-идентичность) субъектов российского социума имеет глубоко лиминальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов О. С. Идентичность как познавательная категория и социообразующий фактор // Мир психологии. 2012. № 1(69). С. 12–18.
2. Анисимов О. С. Мышление стратега: модельные сюжеты. М.: Реал-принт, 2010. Вып. 13–16. 278 с.
3. Анисимов О. С. Славяне в цивилизационной динамике. — М., 2009. 525 с.
4. Бобков А. И. Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 74–78. DOI 10.17223/15617793/394/12. — С. 70–78.
5. Бубер М. Проблема человека. М.: ИНИОН, 1992. 146 с.
6. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: Алетейя, 1999. 421 с.
7. Клименко Н. С., Зберовский А. В. Гендерная идентичность и национальная идентичность в современной духовной культуре России // Вестник КемГУКИ. 2017. № 39. С. 49–53.
8. Марсель Г. Метафизический дневник. СПб: Наука, 2005. 586 с.
9. Мерло-Понти М. В защиту философии. Пер. с франц. И. С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 1996. 248 с.
10. Ортега-и-Гассет Х., Избранные труды: Пер. с исп./ Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Издательство «Весь Мир» 1997. 704 с.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
12. Соловьев В. С. Смысл любви / Избранное. М.: Советская Россия, 1990. 496 с.
13. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории / Трубецкой С. Н. Философско-историческое исследование. М.: АСТ, 2000. 650 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
15. Фусу Л. И. Переходные состояния личности и общества: пограничность, кризис и его преодоление // Фундаментальные аспекты психического здоровья. 2017. № 2. С. 153–155.
16. Винникотт Д. Игра и реальность // М. Институт Общегуманитарных Исследований. 2002, стр. 145–152

17. Фройд З. Тотем и табу // М. Академический Проект, 2007, стр. 123–128
18. Фройд З. Горе и меланхолия, // Психология бессознательного М. 000 «Фирма СТД», 2006, стр. 187–227
19. Фройд З. Психология масс и анализ человеческого Я. //»Я и Оно«.М., «ФОЛИО», Харьков, 2000, стр. 769–839
20. Капсамбелис В. Психотическое функционирование // Уроки психоанализа на Чистых прудах М., 2016, стр. 103–105
21. Бужор Н. От идентификации к свободе мышления // Уроки психоанализа на Чистых прудах, М., 2016, стр. 14–16
22. Green A. La folie privée. Paris, Callimard, 1990

© Фусу Лариса Ивановна (florayy@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»